

КОГДА ВЕДЬМА ТАНЦУЕТ

18+

**МИЛА
ЛИМОНОВА**

Мила Лимонова
Когда ведьма танцует

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лимонова М.

Когда ведьма танцует / М. Лимонова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Черная трава, несущая погибель всему живому, заполняет страну Семи долин. Жители в панике бросают дома и бегут прочь в надежде на спасение. Умный молодой лекарь Эм решает найти причину и победить проклятую траву. Для этого, как выясняется, нужно выполнить несколько желаний капризной ведьмы...

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

– Мама, а скоро будет пирог? – заканючил старший из двух сидящих за деревянным обеденным столом мальчишек, в нетерпении постукивая своей ложкой по столу. Третий малыш, едва научившийся ходить, цеплялся за ноги и юбку матери.

– Скоро, скоро, – мать, крепкая, полногрудая женщина по имени Дора, энергично раскатывала тесто, поднимая в воздух облачко муки. Белая пыль припорошила ей передник и рукава. Мазнув тыльной стороной ладони зачесавшийся нос, женщина принялась укладывать тесто на смазанный маслом противень и взяла миску с мелко нарезанными ломтиками яблок. Щедро усыпав тесто начинкой, она подвернула края и осторожно сунула пирог в духовку дровяной плиты.

– Дон, обожжешься! – она аккуратно отстранила малыша, потянувшего ручки к плите. – Сид, ты до сих пор не доел кашу! Давай-ка побыстрее, иначе никакого пирога не получишь.

– Я не люблю кукурузную, – надул губы Сид и нехотя повозил ложкой в тарелке.

– А я люблю, – старший, Стор, пододвинул к себе тарелку брата. – Можно, я за него съем?

– Вот еще новости! – нахмурилась мать. – Можешь положить себе добавки из котелка, но чуть-чуть, еще отец придет голодный. А ты, Сид, если не будешь есть, навсегда останешься маленьким.

Судя по выражению лица Сида, мальчик крепко засомневался в последнем утверждении, но все же сунул в рот ложку.

– Не корчи гримасы, – попыталась проявить строгость мать. – Вот придет отец, при нем-то ты капризничать не станешь!

Женщина усадила младшего возле корзины с нехитрыми игрушками, а сама принялась складывать грязную посуду в таз. Она поглядела на висевшие в доме массивные часы и слегка свела брови: отец семейства что-то задерживался.

Ханс, которого сейчас ожидала семья, срезал еще один гриб с маслянистой коричневой шляпкой и поднес к носу, наслаждаясь крепким лесным духом. Мужчина, проверив расставленные силки и не обнаружив в них дичи, наткнулся на грибную полянку и решил принести домой хотя бы грибов вместо мяса. Мешок наполнился почти доверху, а Ханс все брел и брел вглубь леса – от одного красавца на крепкой бело-серой ножке к другому.

Отведя в сторону упругую ветку, мужчина остолбенел, и та, распрямившись, больно хлестнула его по лицу.

– Боги, сохраните, – прошептал Ханс, уставившись на открывшийся вид.

Ханс знал этот лес как свои пять мозолистых, привыкших к ежедневному труду пальцев, и поэтому он и впал в замешательство, когда увидел знакомую поляну. Деревья стояли почерневшие, мрачно топорщились голые сучья, поникли кустарники, на земле лежал ковер из пожухших листьев. Ханс протянул руку и коснулся ближайшего кустика малины с черными сухими комочками ягод на голых, потемневших побегах. Ягоды дождем осыпались на землю, дробно стуча по палой листве.

– Черная трава, – прошептал Ханс, бледнея и осторожно приподнимая по очереди ноги. Подошвы босых ступней были облеплены чем-то вроде серого пепла. Ханс несколько раз со свистом втянул воздух, унимая kloкочущее в груди чувство страха и отчаяния.

Черная трава появилась и здесь, в Четвертой долине. Надо уходить и отсюда.

Дора уложила мальчишек и вернулась в кухню, где поджидали мужа заботливо укутанный котелок с кашей и укрытая половина душистого яблочного пирога. Запретив себе нервничать,

поскольку Ханс не мог заблудиться в лесу, да и опасных зверей там не видали, мать семейства машинально прошлась тряпкой по чистому столу, выполоскала ее и повесила сушиться. Затем села на стул и побарабанила пальцами по столешнице, задумчиво оглядывая кухню в поисках какого-нибудь беспорядка, к которому можно было приложить руки.

Своей кухней – да и домом в целом – Дора гордилась, и не без оснований. Всего год, как они въехали сюда, вернее, в полуразвалившуюся хибару. Ханс день за днем чинил и латал все, требующее приложения умелых мужских рук, а Дора создавала уют, насколько это возможно с тремя мальчишками в доме.

Дора с удовлетворением окинула взглядом сшитые ее руками занавески с плетеным кружевом, ярко-красные в белый горошек рукавички для горячего, вязаную салфетку-дорожку на подоконнике и лоскутный коврик на полу. Неутомимая хозяйка обожала рукоделие и все время придумывала, что бы еще сшить, сплести или украсить искусной вышивкой. Ханс, одобряя ее порывы, с каждой ярмарки старался привезти ей лент, отрезков ткани, затейливых пуговок или ярких тонких ниток для вышивания, сколько бы те не стоили.

Женщина вспомнила привезенный недавно мужем кусочек белого кружева – ах, какой замечательный чепчик можно из него сшить! Несмотря на любовь к своим мальчишкам, Дора мечтала о дочери, которую можно было наряжать в хорошенькие платьица. Возможно, стоит попробовать завести четвертого ребенка, место здесь тихое, спокойное, черной травы не замечено...

– Нет, это никуда не годится, – очнулась Дора, переводя взгляд на сумерки за окном. – Не случилось бы чего...

Она зажгла масляный фонарь и порывисто вышла из дома. Затворив калитку, решительно было направилась к лесу, но была остановлена звуком шагов.

– Ханс! Ну где ж ты пропадал так долго? – выдохнула с облегчением жена, бросаясь к супругу, но тот неожиданно резко шархнул от ее объятий. – Что случилось?

– Надо уходить, милая, – ответил муж, стараясь выглядеть бодро.

– Как... уходить? Куда? – помертвела лицом Дора. – Неужто... – она не смогла выговорить страшную догадку.

– Да. Черная трава в нашем лесу, – кивнул Ханс. – Собирай детей, а я предупрежу остальных. Уходите к Шестой долине, не ждите меня, я вас сам найду.

– Ханс! Нет уж, я подожду тебя, и двинемся вместе, – запротестовала жена, но муж был непреклонен:

– Не спорь, делай, как я говорю!

Удивленная и обиженная его резким окриком, Дора захлопала глазами, в которых наливались непрошенные слезы:

– Ты что-то темнишь, Ханс! Почему мы должны уходить без тебя? Скажи мне правду!

– Дора, я обещаю, что нагоню вас в Шестой долине, – стиснув зубы, резко настоял на своем муж. – Поверь мне, и давай поторапливайся!

С этими словами Ханс отвернулся и быстро зашагал по направлению к соседнему дому. Дора беспомощно захлопала носом, взволнованная странным поведением мужа: он всегда обнимал ее и целовал, даже отправляясь в лес или на реку, а тут собирается расставаться и на прощание уклонился от собственной жены, как от чужого человека!

Слезы все-таки потекли по ее раскрасневшимся щекам, но женщина поспешила в дом, собрать все самое необходимое и поднимать детей. С болью в сердце оставила она, уже не в первый раз, свою посуду, вещи, запасы тканей, иголок и ниток, бросила цыплят, которых недавно завели. За спиной ее болтался мешок с немудрящим скарбом и небольшим запасом провизии. Такова, видно, их участь, – не знать никогда покоя и вечно бежать, как от чумы, от черной травы, заполонившей земли Семидолья.

– Проклятая трава, – шептала Дора, таща на себе ревущего младшенького, пока старшие дети испуганно, но без капризов и проволочек одевались и брали с собой дорожные сумки. О том, как опасна черная трава, знали даже самые несмышленьши.

По всей деревне уже поднялся переполох, ревела брошенная скотина, хныкали младенцы, тоненько подвывали бабы. Все жители, от старого до малого, подтягивались к северной окраине деревни, чтобы пуститься в путь к Шестой долине, еще не охваченной этим проклятьем, этим бичом их страны – черной травой, несущей смерть и запустение.

Дора с детьми влилась в бурлящую толпу и принялась высматривать Ханса, надеясь втайне, что он все-таки здесь, что передумал, ну или передумает, поговорив с ней, или хотя бы обнимет и обнадежит. Но мужа не было видно, и Дора, то и дело перехватывая поудобнее ревущего сына, металась от одной соседки к другой, спрашивая:

– Вы не видели Ханса? Куда он пошел?

Но никто не мог дать ей внятного ответа. Когда большая часть жителей деревни уже растянулись вереницей по дороге, Дора все медлила, тянула время, всматривалась, ожидая увидеть знакомый силуэт. Оставшись в числе последних, женщина тяжело вздохнула и скомандовала детям:

– Пойдем. Папа скоро нас догонит.

Опустевшая деревня осталась позади, когда Дора обернулась и что было духу отчаянно закричала:

– Ханс! Ханс! Ханс!

– Па-а-апа! – завопили хором Стор и Сид.

Молчание было им ответом. Закусив губу от душевной боли, Дора одернула сыновей и поплелась за остальными, молясь богам, чтобы Ханс все-таки нагнал их, как обещал.

Дешевый кабак на границе Четвертой и Шестой долин огласился нестройным хором развеселой мужской компании, праздновавшей здесь едва ли не с трех часов пополудни.

– Хозяин, а подай еще кувшин красенького! – раздался хрипловатый пьяный голос, когда непристойный куплет закончился. – Угощаем всех! Подходите! Каждому налью за мою удачу и здравие!

Любители выпить на дармовщинку оживились, и одобрительно загудев, потянулись к шумному столику. Воздержались только пара почтенных матрон, неодобрительно покачавших сидящими головами, да ссутулившийся светловолосый мужчина за столиком у окна, в широком плаще и с дорожным посохом. Был он явно не из местных обывателей, и никогда не захаживал сюда ранее: просто устав с дороги, заглянул сюда, попросил себе простой обед из тушеных овощей в сметане, запил его водой, и с тех пор сидел себе молча, задумчиво глядя в окно. Шумная компания, казалось, нисколько его не беспокоила и не нарушала его раздумий. Звали его Эмрой, но сам он обычно представлялся всем короче и проще – Эм.

Именинник, радостно щерясь широким усатым ртом, плеснул еще вина в кружку и остановился взглядом на незнакомце.

– Подходи, чужеземец, не стесняйся! – гаркнул он, салютуя кружкой. – И тебе нальем! А ты нам расскажешь, где бывал да чего повидал!

Эм вежливо покачал головой и приложил руку к груди в благодарственном жесте, но приглашающий расценил отказ как несусветную грубость – как же, от чистого сердца предлагают, а тот еще кочевряжится! Именинник покинул свой стол и качающейся походкой подошел к «нахалу». Грузно плюхнувшись на свободный стул рядом, он толкнул незнакомца в плечо, явно намереваясь затеять свару.

Разгадав без труда это намерение, странник встал. Он оказался несколько выше и плечистей, чем казалось. Исчезла скрадывающая комплекцию сутулость, перед забиякой стоял рос-

лый мужчина, чьи руки явно не чуждались тяжелой работы и могли при желании их обладателя хорошенько остудить пыл любого обидчика. Да еще и посох, прислоненный к стулу, мог бы послужить грозным оружием. Эм не торопился ударить, лишь смотрел на незваного собеседника решительно и серьезно.

– Ты чего, извини, я это... – миролюбиво поднял руки задира. – Если надумаешь – подсаживайся к нам!

И уплелся нетвердой походкой к своим притихшим приятелям.

Потревоженный странник снова сел и погрузился было снова в раздумья, однако его привлек голос трактирщика, который, стоя в дверях, с кем-то ругался – не очень громко, как будто опасаясь, что услышат посетители. Мужчина прислушался и пригляделся. В дверях маячила фигура женщины с ребенком на руках. Похоже, это были очередные беженцы, снявшие с места из-за черной травы.

– Убирайтесь прочь! – рявкнул хозяин громче, чем собирался. – Или мне спустить на вас собак?

– Но прошу вас, умоляю, вынесите хотя бы объедков, дети голодны... – умоляющим тоном просила мать.

– Убирайтесь! Не хватало тут еще от черной травы помереть из-за вас!

– Пойдите, – вмешался Эм.

– Господин хороший, не ваше это дело... – начал было трактирщик, но тот остановил его жестом и представился:

– Меня зовут Эм, и я лекарь. Вынесите детям и этой женщине по миске супу и куску хлеба, я оплачу. Двойную цену.

– Ладно, – буркнул недовольно хозяин.

Эмрой улыбнулся испуганной, недоумевающей женщине. Ноги ее были пыльны и сбиты в кровь, осунувшиеся хнычущие ребятишки – один на руках и двое постарше, – выглядели усталыми.

– Я осмотрю детей, – сказал он Доре. – Пока вам несут ужин.

– Батюшка-лекарь... – робко начала женщина. – У нас нет денег, чтобы заплатить вам...

Лекарь сердито махнул рукой – пустяки, мол, – отвел в сторону одного малыша за другим и не нашел ничего серьезнее мозолей, ссадин и царапин. Все трое были здоровы, и их мать тоже.

– Откуда вы бежите? – любопытствовал он, обрабатывая мазью гудящие от усталости ноги Доры. Сквозь бледность ее щек пробивался смущенный румянец – было мучительно стыдно, что этот добрый лекарь касается ее опухших конечностей, да еще и платит из собственного кармана.

Дора назвала одну из деревень Четвертой долины.

– Давно?

– Три дня как снялись, – поведала она. – Все бросили, боялись заразу с собой притащить. Спасибо вам, батюшка-лекарь, если б не вы...

Женщина, убедившись, что дети жадно набросились на еду, взяла свою тарелку.

– А ваш муж? – спросил Эм.

Дора неожиданно скривилась. Крупная слеза покатилась по ее щеке и капнула прямо в суп.

– Ханс... обещал нас нагнать, но я боюсь, что... что... – вполголоса пробормотала она, косясь на детей – не слышат ли. Но нет, уплетающие за обе щеки горячее варево мальчишки не обращали внимания на разговоры взрослых.

– Я думаю, волноваться пока рано, – заверил он женщину. – Я как раз иду в ту сторону, и уж наверняка мы встретимся на пути.

– Как же, батюшка-лекарь, – всполошилась женщина, – там ведь черная трава, – последние слова были произнесены с опаской и шепотом, чтобы никто из случайных прохожих не услышал.

– Мое дело врачевать страждущих, – пожал плечами Эм. – Где же мне быть, как не в местах, зараженных черной травой.

Дора округлила глаза:

– Но ведь... не обессудьте уж, батюшка-лекарь, но от этой проклятой травы и лекарства-то нету!

– Может, и есть, – немного устало улыбнулся лекарь. – Не теряйте надежду...

Эм замедлил шаг и остановился, глядя на покинутую деревню. Над крышами вилось воронье, с дворов тянуло падалью. На бревенчатых стенах домов виднелся серый косматый мох, кое-где выглядывали сизые осклизлые шляпки поганых грибов.

Ни один мускул не дрогнул на лице Эма, но каждый раз при виде такого запустения у него щемило сердце. Пора бы привыкнуть – он видел десятки мест, пораженных черной травой, но до сих пор так и не зачерствел душой. Быть может, сегодня было даже больше чем обычно – виной тому была та изможденная женщина с тремя мальчишками, что напомнило лекарю его собственное бегство из зараженного дома. Он тоже был таким же беженцем, тянул за собой младшего братишку, пока они не свалились от усталости прямо на землю. Никто не давал приюта тем, кто бежал от черной травы – все боялись неведомой заразы.

Эм бесстрашно прошел через всю деревню по направлению к погибшему лесу. Под голыми черными сучьями нагло прорастали черные сухие на вид травинки. Мужчина опустился на колени, не опасаясь запачкаться, и сжал в руке траву, словно безобидную былинку. Разжав свои длинные пальцы, Эмрой пристально посмотрел на пригоршню серого пепла, поворошил его и стряхнул. Руку лекарь просто вытер об штанину, уже запачканную серым. М-да, кажется, он опоздал. Следов не найдешь...

Эм не стал углубляться в лес, а напротив, вернулся к деревне. Подойдя к крайнему дому, стены которого начали порастать косматым серым мхом, он услышал внутри какое-то шевеление и решительно вошел внутрь: вдруг кому-то требуется помощь?

Эм увернулся от свистнувшей в воздухе кочерги. Перед ним на коленях стоял диковатого вида мужчина с осунувшимся лицом и всклокоченными волосами. Льяной его рубашке, заботливо украшенной вышивкой, не помешала бы стирка, а кое-как перевязанные ступни кровоточили, оставляя темные пятна на досках пола.

– Не подходи... – прохрипел он. – Нечисть! Сгинь!

– Я обычный человек, успокойтесь, – твердо и уверенно произнес Эм. – И больше того, я лекарь и могу вас осмотреть.

Житель дома недоверчиво вытаращился на него полубезумными глазами, и несколько минут прошло в полном молчании. Наконец раненый раскрыл рот и уже более спокойным голосом произнес.

– Ты не ведьма.

– Естественно, – Эм слегка изогнул уголки губ в усмешке. – Я немного не того пола.

– Ты не ведьма, – повторил задумчиво мужчина и тут же отшатнулся, – не прикасайся ко мне, прохожий! Я отравлен черной травой и жду своего конца...

– Я лекарь, – повторил Эм. – Давайте я все же посмотрю.

Эм усадил обреченного поудобнее, осторожно разматал пропитанные кровью тряпицы. Да, мужчина действительно прошелся по черной траве. Эм вынул из своего короба ингредиенты для мази и, разложив все необходимое на дощатом столе, принялся готовить лекарство. Мужчина сидел, привалившись к стенке и закрыв глаза, губы его что-то беззвучно шептали.

Чтобы отвлечь несчастного от дурных мыслей, Эм заговорил с ним. Выяснилось, что раненого зовут Хансом, и поселился он здесь не так давно, в очередной раз убежав от черной травы. Когда Ханс упомянул о своей семье, на глазах его выступили слезы.

– А, я видел вашу жену с детишками, – бодро произнес Эм. – Они уже, должно быть, в Шестой долине.

– Слава богам, – Ханс возвел взгляд в потолок. – Они живы! Живы!

– Живы-здоровы, я сам осмотрел их, – поддержал жизнеутверждающую беседу Эм. – И как только вы сможете ходить, направитесь к ним.

Лицо Ханса тут же потускнело.

– Спасибо на добром слове, батюшка-лекарь, но я знаю – нам не свидеться больше. Каждый, кто коснулся черной травы, обречен.

– Это мы еще посмотрим, – усмехнулся Эм. – Готов дать на отсечение правую руку, что через три дня вы бегом побежите по дороге, ведущей к Шестой долине.

От уверенных слов лекаря губы Ханса тронула слабая улыбка зарождающейся надежды, и он безропотно позволил обработать свои ступни мазью, которая оказалась безжалостно щипучей и с противным запахом.

– Ну вот и все, полежите пока на лавке, и с нее не вставайте – по крайней мере, часа два-три. Если захотите есть или по нужде, я вам все принесу, – Эм критически оглядел свою работу, собрал все со стола и принялся растапливать дровяную плиту. Вскоре в котелке варилась простецкая каша на воде из запасов крупы, найденных в одном из шкафчиков.

Пока еда пытела на плите, Эм вынул из короба небольшой пергамент. Это была карта местности. Некоторые части долин были заштрихованы черным почти полностью, некоторые – нет. Мужчина с задумчивым видом водил пальцем по бумаге. Еще одна деревня обзавелась жирной черной точкой.

– Куда же она пойдет? – пробормотал он вполголоса.

– Ведьма? – раздался с лавки голос Ханса.

Эм очнулся. Увидев в этой лачуге несчастного, лекарь не обратил внимания на его бессвязные слова, похожие на бред, а сейчас вспомнил.

– Вы говорили про ведьму, Ханс. Какая ведьма?

– Возможно, вы мне не поверите, батюшка-лекарь...

– Рассказывайте, и ничего не упускайте! – требовательно произнес Эм.

Рон не зря считался самым завидным женихом в своей деревне. Лучший добытчик – заядлый охотник и удачливый рыбак, он еще и был по-мужски хорош собой: коренастый, с мускулистыми руками, волосами цвета воронова крыла и темными зоркими глазами, от которых не ускользало ни одно движение добычи в лесу. Однако еще никто из деревенских красоток не смогли завлечь в свои сети этот лакомый кусочек – мужчина оставался холостяком несмотря на все ухищрения многочисленных желающих стать его невестой.

В этот солнечный день Рон, уже нагруженный битой птицей, шел проверить сети. Выйдя на берег реки, мужчина остановился, ослепленный вовсе не сверкающими бликами на воде. На краю обрыва танцевала незнакомка. Светлые тяжелые косы, перевитые цветами, покачивались в такт грациозным движениям, подол простого белого платья до колен раскрывался «солнцем», обнажая крепкие, пышные бедра.

Рон хотел было окликнуть отчаянную незнакомку, которая для своих плясок выбрала довольно ненадежное место, но так и стоял, завороченный невиданной чувственностью танца. Словно в ответ на его опасения, девушка наступила босой ножкой слишком близко к краю обрыва и с пронзительным криком рухнула в воду.

Рон, сбросив с себя лишний груз, ринулся в еще прохладную воду и поплыл к тому месту, где виднелась голова девушки. Кажется, силы покинули ее, и ее тело сносило течением. Уверенными гребками Рон настиг девушку и потянул спасенную в сторону берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.